

и на самое короткое время. Принимали его, какъ подобаетъ принимать вліятельное лицо, и очень лестно давали почувствовать, что отъ него зависитъ принять дѣятельное участіе во главѣ уѣздной судоустройства. Но, покуда, онъ еще уклонялся отъ чести, представляя себѣ принять рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, когда утѣхи молодости уступать мѣсто мечтамъ честолюбія.

Одного въ немъ нельзя было отрицать: онъ былъ красивъ, отлично одѣвался и умѣлъ быть любезнымъ. Только черезъ-чуръ развязныя манеры и привычка постоянно носить пенснэ, поминутно сбрасывая его и опять надѣвая, нѣсколько портили общее благопріятное впечатлѣніе.

Ангинъ на первыхъ же порахъ по пріѣздѣ посѣтилъ школу („это мое дѣтище“, выражался онъ). Онъ явился въ сопровожденіи члена училищнаго совѣта, священника и старосты. Похваливъ порядки, онъ такъ пристально посмотрѣлъ на Анну Петровну, что та покраснѣла. Уходя, онъ сказалъ совѣтмъ безцеремонно, что ему очень пріятно, что въ его школѣ такая хорошенькая учительница. До сихъ поръ онъ рѣдко ѣздилъ въ деревню, потому что всѣ учительницы изображали собой какой-нибудь изъ смертныхъ грѣховъ, а теперь будетъ ѣздить чаще. И въ заключеніе прибавилъ, что Аннѣ Петровнѣ настоящее мѣсто не въ захолустьѣ, а въ столицѣ, и что онъ похлопочетъ о ней.

Въ тотъ же день у него былъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ прикосновенные къ школѣ, а въ томъ числѣ и Анна Петровна.

Послѣ этого онъ зачастилъ въ школу. Просиживалъ въ продолженіе цѣлыхъ уроковъ и не спускалъ съ учительницы глазъ. При прощаніи, такъ крѣпко сжималъ ея руку, что сердце ея безпокойно билось и кровь невольно закипала. Вообще, онъ дѣйствовалъ не вкрадчивостію рѣчей, не раскрытіемъ новыхъ горизонтовъ, а силою своей красоты и молодости. Оба были молоды, въ обоихъ слышалось трепетаніе жизни. Онъ посѣтилъ ее даже въ ея каморкѣ, и похвалилъ, что она сдумѣла устроиться въ такомъ жалкомъ помѣщеніи. Однажды онъ ей сказалъ:

— Отчего вы не посѣтите меня? боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь,—отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Но, въ такомъ случаѣ...

Онъ не договорилъ, но взялъ ее за руку и поцѣловалъ.

Цѣлое послѣ-обѣда, послѣ этого, она была какъ въ чадѣ, не знала, чтѣ съ нею дѣлается. И жутко, и сладко ей было въ одно и то же время, но ничего яснаго. Хаосъ переполнялъ все ея существо; она безпокойно ходила по комнатѣ, перебирала